

УДК 321 (470+571)

**Внутригосударственное политическое пространство
(сравнительный анализ концепций)**

Раисат Багадуровна Магомедрасулова

Дагестанский государственный институт народного хозяйства, Россия
367014, г. Махачкала, Общество «Портовик», 106
Старший преподаватель
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Аннотация. В статье выявлены сходства и различия основных современных концепций политического пространства. Охарактеризованы позитивистское, бихевиоральное и социально-конструктивистское направления исследований политического пространства. Основное внимание уделено социально-конструктивистским теориям. Применена концепция П. Бурдьё при анализе политического пространства. Дан анализ опыта использования параметров политического пространства в российской политологии.

Ключевые слова: внутригосударственное политическое пространство; концепции; сравнительный анализ.

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что в глобализируемом мире политические процессы требуют теоретически осмыслить качественно новые реалии. Роли пространственного фактора в организации политических систем качественно меняется. Новые виды коммуникации породили популярный тезис об «исчезновении» пространства, «асплатиальности» политики [1, с. 120]. Политические явления все чаще оказываются не связанными с физическим расположением. Глобализация подрывает значение территориальных форм организации государств и ставит под сомнение существование их как суверенных субъектов политики. Но глобализация стимулирует не только интеграцию, но и регионализацию политического пространства, углубляет его гетерогенность. Не случайно эксперты стали использовать вслед за Дж. Розенау термин «глокализация», в котором выражена неразрывность противоположных процессов: интеграции и фрагментации [2, с. 172-183]. Без исследования внутригосударственного уровня невозможно обосновать концепцию политического пространства России – крупнейшей страны мира.

Цель статьи – определить сходства и различия основных современных концепций политического пространства. Задачами работы являются раскрытие эвристических возможностей современных концепций политического пространства, применение концепции П. Бурдьё в анализе политического пространства Российской Федерации.

Материалы и методы. Методологическую основу статьи составляет сравнительный анализ в таких его разновидностях, как бинарный и плюральный. Применены логические операции выявления сходств и различий политических концепций. Мы учитываем теоретические выводы исследований В.П. Мохова [3], Г.В. Пушкаревой [4], П.В. Панова [5].

Многочисленные исследования политического пространства целесообразно классифицировать по теоретико-методологическим основаниям на позитивистское, бихевиоральное и социально-конструктивистское направления (мы абстрагируемся от сложных различий внутренних течений в каждом из них) [6].

Позитивистские исследования развиваются раньше других на основе сциентистской парадигмы XVII–XVIII вв. и географического детерминизма (А. Гумбольдт, Ш.-Л. Монтескье). Они предполагают эмпирическую фиксацию пространственных явлений (размера, протяженности, мощи, точечных локализованных объектов) на географической карте; требуют в качестве аргументов количественных измерений [6].

Бихевиоралистские теоретики XX в. (Дж. Уотсон и Б. Скиннер, Дж. Хоманс и П. Блау) рассматривали политический процесс как совокупность поведенческих реакций индивидов на воздействия политической системы по схеме: стимул – интерпретация – реакция [6]. В данной парадигме социогуманитарные науки могут изучать только то, что наблюдается в открытом поведении, а не скрытые мотивы и интересы.

Социальный конструктивизм, получивший преобладание в последней трети XX в. (К. Леви-Стросс, Дж. Мид, А. Шюц, П. Бурдьё), раскрыл роль субъективных факторов политического порядка и доказал, что они детерминированы не столько социальной системой и институтами, сколько совокупностью символических структур сознания [6]. Политическое пространство (по А. Шюцу) intersubjectively, оно существует как целостность только в тех обществах, которые ведут

коммуникацию между группами и индивидами на основе единых норм и ценностей, понимания политических статусов и дистанций [7, с. 485].

В другой теоретически значимой оси координат исследования политического пространства можно разделить на географические и социальные. Мы уделим основное внимание социально-символическим исследованиям, а географические охарактеризуем кратко ввиду их лучшей изученности.

Обсуждение проблемы. Существуют различные концепции политического пространства. Ряд концепций носит этатистский характер. Пространство оценивается по критерию распределения государственной власти и форм государственного устройства [8, с. 9]. Концентрированное выражение этатизм получил в классической геополитике XIX – середины XX вв. Она осмысливала роль пространственных факторов во внешней политике государств и международных организаций с позиций обеспечения мирового господства и контроля над территорией [9]. Категория «политическое пространство» в таком ракурсе применяется для осмысления параметров территориального устройства государства, системы международных отношений.

Пространственная модель национального государства, описанная в рамках классической политической теории Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж. Боденом, К. Шмиттом, предполагала категории суверенитета и территориальной целостности [10]. Национальное государство можно сравнить с «контейнером общества периода Модерна»; границы государств XVII–XX вв. рассматривались как пределы, в которых разворачиваются политические процессы [11, с. 503]. Упрощая, можно зафиксировать: геополитика в основном изучает глобальный уровень политического пространства, политическая география – государственный, а политическая регионалистика – субнациональный уровень [12, 13].

Рассмотрим иные, социоцентричные концепции пространства. П.А. Сорокин понимал социальное пространство как объективное, т.к. оно имеет свою «телесность» – структурированное общество. Он сравнивает социальное пространство со сложной сетью, образованной связями взаимодействия индивидов и социальных групп. П.А. Сорокин высказал о пространстве ряд ныне общепризнанных положений: пространство многомерно, что задается различиями позиций индивидов и групп; социальные дистанции – это объективная шкала «мерности» пространства. Социальные дистанции существуют благодаря стратификации общества и нашим знаниям, опыту организации социальной реальности. В работах П.А. Сорокина намечено выделение сфер социального пространства – экономического, профессионального и политического [14].

В русле постмодернистских теорий политическое пространство рассматривается как сфера борьбы за обладание властью. Отношения власти есть стержневая координата политического пространства. Поскольку властные отношения проявляются в различных сферах общества, это определяет системный характер политического пространства. М. Фуко полагает, что власть и доминирование проявляются там, где политика объединяется с пространством и знанием. С помощью концептуального знания и идеологического внушения правящие группы управляют пространством повседневной политики. Для М. Фуко власть состоит в порядке распределения благ и взглядов, что порождает политические взаимоотношения, в которые втягиваются индивиды. По М. Фуко, власть вездесуща, она овладела временем и пространством [15, с. 4-22].

Постструктуралистская концепция пространства обоснована П. Бурдьё [16]. Новизна взглядов П. Бурдьё на соотношение физического и социального пространства в том, что физическое пространство названо внешним атрибутом социального пространства и его материальным выражением [17, с. 33-52]. Бурдьё отмечал, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, социальное пространство – по взаимоисключению (различию) позиций, которые его образуют» [16, с. 49]. Социальное пространство понимается как двуединство символического и физического измерений. Диспозиции субъектов политики проявляются не только в социальном, но и в физическом пространстве. В основе политического пространства – «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем, кто входит в это поле», и они несводимы к намерениям индивидов или к их взаимодействиям [18, с. 56].

Но именно символическая форма отличает политическое пространство, как и другие «специализированные» пространства внутри социального, от физического пространства. Сложный характер социального пространства, по Бурдьё, предполагает двойственность субъектов политики, статус которых выражается и через позиции (реальное положение в пространстве), и диспозиции (субъективные восприятия социальных позиций). Различия субъектов в «поле политики» действуют, организуя систему, формируя пространство групп, характеризующихся различными стилями активности [19, с. 181-207].

В концепции П. Бурдьё значимыми теоретическими категориями политического анализа являются виды социальных полей, позиции и диспозиции субъектов политики, политические дистанции. Поля взаимно пересекаются. На них проецируется место индивида или группы в стратификации. Для каждого поля целесообразно выделить ряд индикаторов. Социальное и экономическое поля составляют владение собственностью, управление ею, уровень доходов, отраслевая занятость по секторам, профессиональная деятельность, территория проживания.

Политическое поле оценивается по обладанию властью, выполнению управленческих функций в государстве. Социокультурное поле образуют уровень образования, квалификация, самоидентификация, потребности, интересы, престиж, стиль жизни. Для измерения политических дистанций Бурдье ввел термин «объем капитала» – совокупность выделяемых свойств, качеств и отношений, которую можно выразить в отчетливых размерах [18, с. 141].

Более эмпирический характер носит концепция социально-политических размежеваний (cleavages), которую обосновали С.М. Липсет и С. Роккан [20, с. 204-234]. Они выявили на материалах Западной Европы 1960-х гг. четыре вида размежеваний в обществе, весомо влияющих на политическое поведение и позиционирование социальных групп: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, налогоплательщиками и налогополучателями. Социологическая теория политического поведения признает важнейшим фактором индивидуального выбора позиций принадлежность к социальной группе. Усвоение интересов группы, солидарность с ними определяет выбор. Вместе с тем влияние размежеваний в каждом обществе и на каждом этапе политического процесса своеобразно.

Данная концепция часто подвергается критике. Дж. Сартори указывал, что большинство социально-политических размежеваний не обязательно становится значимым фактором политической конкуренции. Базовым в условиях прочной демократии является внутриэлитный конфликт [21, с. 176]. Еще большие сложности с применением концепции Липсета и Роккана возникают применительно к постсоциалистическим обществам, где еще не сформировались устойчивые идентификации и политические позиции. С другой стороны, Г.В. Пушкарева обоснованно полагает, что сложносоставная идентичность индивидов и групп, многомерное политическое пространство сдерживают глубину общественных расколов [4, с. 174-175].

Категория «политическое пространство» в социально-символическом понимании часто применяется в прикладных политических исследованиях. Позитивные примеры такого рода – работы А.С. Ахременко [22], М.А. Аствацатуровой и Ю.Д. Бурцева [23], И.В. Юрченко и др. [24]. Эти исследователи применяют пространственный подход для соотнесения статусов и позиций групп в политическом пространстве, установлений дистанций между ними. Применяются, особенно в электоральных исследованиях, математические методы измерений пространства. Но, увы, встречаются и теоретические неточности. Имеет место отождествление политического пространства с политической системой [25, с. 87-122]. Наиболее часто политическое пространство отождествляется с политической сферой общества в целом [26, с. 59]. Понятия «политическая сфера» и «политическое пространство» близки, но они фиксируют разные границы политической сферы. В первом случае рубежами выступают границы других сфер (экономической, социальной и социокультурной), что отражает пределы воздействия политики на другие сферы жизни.

Представлены и другие варианты определения политического пространства – через его свойства. Понимание того, что политическое пространство – форма упорядочения политического бытия, соотнесенности и согласования его элементов, привело к отождествлению пространства с политическим порядком [27]. Более того, встречаются попытки редукции политического пространства до политической организации, например, совокупности институтов, в которых опредмечивается политическая деятельность [28, с. 38-52, 180-192], т.е. пространство сводится лишь к одному из своих элементов. Напротив, проявление политическим пространством системных свойств не дает основания для его отождествления с политической системой, а тем более – сведения его к отдельным политическим институтам. На наш взгляд, это неоправданно редукционистская трактовка.

Результаты. Общим для концепций политической науки является субстанциональное истолкование политического пространства на основе деятельности субъектов власти и влияния. Данная категория объясняет взаимное расположение индивидов и групп в системе властных отношений общества, создавшееся вследствие различий ими статусов и ролей, позиций, идентичностей и идеологических приверженностей. Политическое пространство иерархично и неоднородно, динамично. Оно может быть как интегрированным, так и дезинтегрированным. Механизмами интеграции выступают не только официальные правовые нормы, но и обычаи, традиции, идеологии, политическая выгода (прагматический интерес). Элементами среднего уровня пространства служат «топосы власти» – солидарные диспозиции влиятельных либо правящих групп. Политическое пространство обладает такими свойствами, как объективность, связь с физическим пространством и коллективным взаимодействием. Благодаря последнему политическое пространство воспроизводится и трансформируется.

Политическое пространство связано как подсистема («поле») с социальным пространством в целом; открыто для воздействия со стороны других полей социального пространства, выступающих внешней средой по отношению к нему. Политическое пространство государства взаимосвязано с глобальным (мировым), внутригосударственным (региональным) и местным (локальным) пространством; имеет структуру, представленную институтами и субъектами, политическими практиками и отношениями. В том числе политическое пространство имеет подсистемы: институциональную, нормативную, коммуникативную, политико-культурную, которые выполняют

специализированные функции. Но «стержнем» политического пространства является именно коммуникативная подсистема. Она образует границы распространения, свойства и функции пространства, придающие ему качественную определенность.

Заключение. Категория «политическое пространство» применима в нескольких смыслах. Один из них: политическое пространство есть организация политической системы общества в пространственно-временном континууме. Политическое пространство можно понимать и как локализацию политических субъектов в реальном географическом ареале. Благодаря географическому аспекту политическое пространство приобретает материализованную форму, размеры и протяженность.

Сравнивая концепции политического пространства, полагаем, что общепризнанным считается существование качественно различающихся феноменов:

- физического («вещественного») пространства – реального территориального расположения объектов политики относительно друг друга и политической системы в целом;
- пространства, относящегося к ментальной реальности (сознанию) – воображаемого пространства (imagined space), которое целенаправленно конструируется обладателями политической власти и влияния посредством информационной (символической) политики. Данное пространство рассматривается нами как совокупность идей и рефлексий о пространстве, как ориентации и установки, применяемые, чтобы управлять реальным пространством.

Примечания:

1. Мельвил А.Ю. Пространство и время в мировой политике // Космополис. М., 2007. № 2 (18). С. 117-122.
2. Розенау Дж. К исследованию взаимопересечения внутриполитической и международной систем // Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 172-183.
3. Мохов В.П. Топология политического пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2002. 214 с.
4. Пушкарева Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Политические исследования. 2012. № 2. С. 166-176.
5. Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированных политий // Политическая наука. 2012. № 3. С. 31-49.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
7. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 481-496.
8. Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций. Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 8-27.
9. Классика геополитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. М.: Изд-во «АСТ», 2003. 719 с.
10. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. школы экономики, 2010. 270 с.
11. Agnew J. Mapping Political Power Beyond State Boundaries: Territory, Identity and Movement in World Politics // Millennium. Journal of International Studies. L.: London School of Economics, 1999. Vol. 28. № 3. P. 499-521.
12. Туровский Р.Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10-30.
13. Баранов А.В. Региональные политики России и Украины: сравнительный анализ постсоциалистических трансформаций // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. № 4 (33). С. 85-94.
14. Сорокин П.А. Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1003 с.
15. Фуко М. Правительственность: Идея государственного интереса и ее генезис // Логос. 2003. Вып. 4-5. С. 4-22.
16. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
17. Бурдьё П. Физическое пространство и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.
18. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
19. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181-207.
20. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204-234.
21. Sartory G. The Sociology of Parties: A Critical View // The West European Party System. Oxford: Oxford Univ. Press, 1990. P. 150-182.
22. Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 320 с.

23. Аствацатурова М.А., Бурцев Ю.Д. Управление этническими отношениями и этнополитическими процессами в региональном пространстве. Ростов-н/Д.; Пятигорск: Респект, 2009. 291 с.
24. Юрченко И.В., Юрченко М.В., Донцова М.В. Социальное пространство и информационная среда как элементы системы региональной безопасности и факторы инновационного развития Юга России. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2011. 148 с.
25. Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: Новые подходы и тенденции // Политическая наука. Пространство как фактор политических трансформаций: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 87-122.
26. Кравченко И.И. Бытие политики. М.: Ин-т философии РАН, 2001. 259 с.
27. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
28. Барзилов С.И., Чернышов А.Г. Безумство власти: Провинциальная Россия: двадцать лет реформ. М.: М.: Ладомир, 2005. 298 с.

UDC 321 (470+571)

Inner State Political Space (Concepts Comparative Analysis)

Raisat B. Magamedrasulova

Dagestan State Institute of National Economy, Russia
106 'Portovik' Obshchestvo (Society), Makhachkala 367014
Senior Instructor
E-mail: hatuna2009@mail.ru

Abstract. The paper reveals similarities and differences between the major modern concepts of political space, characterizes positivistic, behavioral and social-constructive trends of political space study. Basic attention is attached to social-constructive theories. The concept of P. Bourdieu was used for the analysis of political space. The analysis of the experience of use of political space parameters in Russian political science is presented.

Keywords: inner state political space; concepts; comparative analysis.